

ТЕКСТЫ ДИКТАНТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
ПО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ
ОСНОВНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
в 2018 году

Вариант № XXX

Уми

На камне у двери сидела Уми — высокая, стройная, седая, с лицом, исчерченным мелкими морщинами и коричневым от загара. Камни, нагромождённые друг на друга, сакля, полуразрушенная временем, серая вершина Ай-Петри в жарком синем небе и море, холодно блестящее на солнце, там внизу, — всё это создавало вокруг старухи обстановку суровую и проникнутую важным спокойствием. Под ногами Уми, по горе, рассыпалась деревня, и сквозь зелень садов её разноцветные крыши напоминали о рассыпанном ящике красок. Снизу доносился звон лошадиных сбруй, шорох моря о берег и иногда — голоса людей, столпившихся на базаре около кофеен. Здесь наверху было тихо, только ручей журчал, да песня Уми сопровождала его, бесконечная, задумчивая песня, начатая шесть лет тому назад.

Уми пела и улыбалась навстречу мне. Её лицо от улыбки ещё более сморщилось. Глаза у неё были молодые, ясные, в них горел сосредоточенный огонь ожидания, и, окинув меня ласковым взглядом, они снова остановились на пустынной равнине моря.

Я подошёл и сел рядом с ней, слушая её песню. Песня была такая странная — в ней звучала уверенность и сменялась тоской, в ней слышались ноты нетерпения и усталости, она обрывалась, замирала и снова возрождалась, полная радостной надежды...

(183 слова)

(По М. Горькому)*

**Максим Горький (Алексей Максимович Горький; 1868–1936) — русский писатель, прозаик, драматург; мыслитель. Стоял во главе трёх крупных издательств — «Знание», «Парус» и «Всемирная литература». Основной пафос творений — мечта о «новых людях», бесстрашных и свободных, обладающих высочайшими интеллектуальными и физическими способностями.*

Вариант № XXX

Воробей

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала подкрадываться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед ее мордой и с отчаянным и жалким писком прыгнул в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он кинулся спасать, он заслонил собой свое детище, но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голос одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке.

Мой Трезор остановился, попятился. Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса и удалился, благоговей.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

(184 слова)

(По И.С. Тургеневу)*

**Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883) — русский писатель-реалист, поэт, публицист, драматург, переводчик. Один из классиков русской литературы, внёсших наиболее значительный вклад в её развитие во второй половине XIX века. Член-корреспондент императорской Академии наук по разряду русского языка и словесности, почётный доктор Оксфордского университета, почётный член Московского университета.*

Вариант № XXX

Храм Покрова на Нерли

Если вам приходится нелегко, если печаль овладела вашим сердцем, отправляйтесь туда, где у реки, на холме, стоит храм Покрова на Нерли. Вглядитесь в благородные пропорции белого храма, отражающегося свыше восьми веков в водах, и вы увидите, как естественно вписано строение в окружающий пейзаж.

Заблуждается тот, кто, увидев храм один раз, считает, что знает его. Эту поэму из камня надо перечитывать многократно, чтобы понять, в чем прелесть этого необыкновенного сооружения.

Трудно сказать, когда лучше любоваться им. Весной, когда Клязьма и Нерль разливаются, впитывая в себя ручьи, бегущие из лесов, озер, и вода затопляет луга. В темных, напоминающих густо настоянный чай, волнах отражаются березы, ивы и похожие на богатырей-великанов дубы, что старше берез и, наверное, помнят, как владимирскую землю топтали татарские кони и как стояли здесь повозки кочевников. На рассвете, когда над лесами играют солнечные лучи и от всплесков светотени древние стены словно колеблются, светлея час от часу. Покров надо видеть и в дождь, когда огромная туча словно останавливается, чтобы полюбоваться храмом.

Храм в том виде, как мы его знаем, – лирическая поэма, обращенная к внутреннему миру человека.

(175 слов)

(По Е. Осетрову)*

**Евгений Иванович Осетров (1923—1993) — советский писатель и литературный критик, исследователь и популяризатор истории русской культуры, памятников искусства и старины Москвы, библиофил.*

Вариант № XXX

Певец родной природы

Если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в её жизнь и воспел её, то прежде всего эта благодарность выпала бы на долю Михаила Пришвина.

Неизвестно, что сделал бы в своей жизни Пришвин, если бы он остался агрономом (это была его первая профессия). Во всяком случае, он вряд ли открыл бы миллионам людей русскую природу как мир тончайшей и светлой поэзии. На это у него просто не хватило бы времени.

Если внимательно прочесть всё написанное Пришвиным, то остаётся убеждение: он не успел рассказать нам и сотой доли того, что превосходно видел и знал.

О Пришвине писать трудно. Сказанное им нужно выписывать в заветные тетрадки, перечитывать, открывая всё новые ценности в каждой строке, уходя в его книги, как мы уходим по едва заветным тропинкам в дремучий лес с его разговором ключей и благоуханием трав, погружаясь в разнообразные мысли и состояния, свойственные этому чистому разумом и сердцем человеку.

Книги Пришвина – это «бесконечная радость постоянных открытий». Несколько раз я слышал от людей, только что отложивших прочитанную пришвинскую книгу, одни и те же слова: «Это настоящее колдовство».

(178 слов)

(К.Г. Паустовский)

**Константин Георгиевич Паустовский (1892—1968) — русский советский писатель, классик русской литературы. Член Союза писателей СССР. Во второй половине XX века повести и рассказы К.Г. Паустовского вошли в школьную как один из сюжетных и стилистических образцов пейзажной и лирической прозы.*

Вариант № XXX

Мужские слёзы

Чужой, но ставший мне близким человек поднялся, протянул большую, твердую, как дерево, руку:

– Прощай, браток, счастливо тебе!..

Мальчик подбежал к отцу, пристроился справа и, держась за полу отцовского ватника, засеменял рядом с широко шагавшим мужчиной.

Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждет их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек негибимой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина.

С тяжелой грустью смотрел я им вслед... Может быть, все и обошлось бы благополучно при нашем расставании, но Ванюшка, отойдя несколько шагов и заплетая куцыми ножками, повернулся на ходу ко мне лицом, помаhal розовой ручонкой. И вдруг словно мягкая, но когтистая лапа сжала мне сердце, и я поспешно отвернулся. Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и наяву. Тут главное – уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное – не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...

(177 слов)

(По М. А. Шолохову)*

**Михаил Александрович Шолохов (1905 – 1984) — русский советский писатель и киносценарист, журналист, военный корреспондент. Лауреат Нобелевской премии по литературе, Сталинской премии, Ленинской премии. Действительный член АН СССР. Самые известные произведения: «Донские рассказы», романы «Тихий Дон», «[Они сражались за Родину](#)», рассказ «[Судьба человека](#)».*

Вариант № XXX

Парк кованых фигур в Донецке

С уверенностью можно сказать, что это самый необычный парк в Донецке. Парк кованых фигур отличается от типичных парков культуры и отдыха с большим количеством зеленых насаждений, аттракционов и прочих атрибутов культурного отдыха. Здесь в тени

деревьев расположились творения кузнецов со всего мира. Разнообразные фигуры радуют посетителей своей красотой и изящностью.

Парк кованных фигур в Донецке был открыт в 2001 году. Изначально в парке находилось всего 10 скульптур из металла, однако с каждым годом их количество растёт.

Развитие парка происходило стремительно. Уже в следующем году в коллекцию добавилось еще 19 кованных фигур. Позже в парке появилась «Беседка для влюбленных», ставшая излюбленным местом молодоженов, затем еще одна интересная композиция — аллея «Знаки зодиака». В 2006 году парк кованных фигур пополнил свою коллекцию «Аллеей сказок». Это результат творческого осмысления художниками-кузнецами сюжетов народных сказок. В парке открыты новые аллеи: *арок, колец, мастеров, архитектурных копий, любимому городу* с авторскими лавочками, на которых так приятно отдохнуть в жаркий летний вечер.

Ежегодно в парке проходят фестивали кузнечного искусства, лучшие работы отбираются и остаются в парке.

Здесь всегда многолюдно и не так просто найти свободную скамейку.

(177 слов)

(Из интернета)*

Вариант № XXX

«А где у города сердце?»

Каждый день гудит завод. Сначала очень рано, в дремучие три часа ночи, когда дворники, водители трамваев и одинокие пешеходы прощупывают пустынные дикие улицы осторожными шагами и, покорные судьбе и неумолимому рабочему графику, идут навстречу занимающейся заре. Для них первый гудок – ободряющий, дружеский, победный, как пионерский горн. Шестичасовой – демократичный, призванный потолкать тебя в бочок. Если же ты встаешь под семичасовой, то, значит, либо работа у тебя рядом, либо кто-то из семьи уже встал, чтобы взять на себя груз утренних забот (пользуясь случаем, передаем поклон всем мамам и бабушкам). Все прочие гудки нужны, чтобы встряхивать тебя в течение дня и напоминать о том, что время бесценно и быстротечно, но на кофе, дружбу и любовь всегда найдётся минутка.

Слава Богу, что есть наш гудок! Этот биоритм города, звук его огромного тяжелого сердца, медленно и величественно пульсирующего где-то в недрах теплой материнской земли. Как сердце исполинского синего кита, которое ежесекундно перегоняет тонны живой крови по тоннелям-сосудам, так гудок рассылает во все концы города крайне необходимый его обитателям сигнал, что жизнь продолжается. «Жизнь продолжается, – поёт гудок, – просыпайтесь, делайте что-нибудь, дышите, танцуйте, пойте... вы же живые!»

А ведь мы и правда – живые.

(186 слов)

(По А. Фёдоровой)*

**Алиса Фёдорова (Алина Дмитриевна Твердюк) – преподаватель кафедры русского языка Донецкого национального университета, донецкий писатель, автор текста Донецкого диктанта-2016.*

Вариант № XXX

Донецкая весна

Из года в год в конце апреля – начале мая в моём городе происходит что-то необыкновенное. Площадь Ленина, бульвар Пушкина, улицы Артёма и Университетская начинают наполняться медово-солнечным светом. Он согревает оживлённую центральную часть города, проникает на окраины, чтобы ознаменовать то новое, что вот-вот случится с

каждым из нас. Это долгожданная и такая радостная донецкая весна. В этом году она не спешила, но не прийти не могла.

И вот, когда устали моросить надоедливые дожди, когда небо открылось и вышло солнце, первыми ожили донецкие магнолии. Розоватые, нежно-сиреневые, преисполненные хрупкого очарования, они становятся символом того, что в нашем городе возрождается жизнь. Как будто нет войны, как будто мы не вздрагивали никогда от звуков снарядов, не прислушивались к грохоту артиллерийской дуэли.

Весна торжествует, побеждая зло и неверие, даруя свет и тепло. Совсем скоро по всем улочкам-артериям нашего города пройдут многотысячные живые колонны. Люди преклонного возраста, молодёжь, мальчишки и девчонки встретятся для того, чтобы отпраздновать День Победы.

Согревай же нас, ждущих, любящих и любимых, наконец-то пришедшая весна! Подари каждому горожанину главное – бесконечное, светлое, мирное небо над любимым Донцом, городом-тружеником, лучшим городом на свете. И цветы, пожалуйста, подольше, наша донецкая весна!

(184 слова)

(По М. Панчëхиной)*

**Панчëхина Мария Николаевна – преподаватель кафедры русского языка Донецкого национального университета, донецкий поэт, автор текста Донецкого диктанта-2017.*

Вариант № XXX

Человек

Говорят, люди похожи на реки. Как реки не могут течь, не меняя русла, точно так же и человек не может не двигаться, не менять свой характер. Вот взять хоть бы дерево. Стоит оно на месте, шагу не может ступить, но внутри его, по стволу, круглый год циркулируют животворные соки, нарастают слоями годовые кольца, грубеет кора, а то лопается от морозов, покрывается глубокими, словно шрамы ранений, корявыми трещинами. По весне набухают на ветках почки, разворачивается маслянистый, ярко-зелёный, ещё пахнущий свежестью и душистыми смолами лист. Но и он огрубеет, а после поплёкнет, потеряет свежие краски. Потом станет жёлтым, коричневым, затем облетит.

Однако как бы берёза или дуб ни изменялись, они так и останутся навек берёзой и дубом, а клен — клёном, яблоня — яблоней... Река станет широкой ли, глубокой или вовсе обмелеет, однако вода в ней всё та же. Один лишь человек способен менять свою сущность. Из хищника, дикаря, почти зверя он становится почему-то действительно человеком. Начинает понимать то, чего прежде не понял бы и не принял бы, а со злобой отверг. Набирается разума, опыта, знаний. Учится замечать вокруг себя всё, доселе ему непонятное, очень мудрое, неприметное.

(183 слова)

(По О. Кожуховой)*

**Ольга Константиновна Кожухова (1922—2007) — русская советская писательница, публицист, лауреат Государственной премии. О.К. Кожухова сначала медсестрой, затем политраблотником, литературным сотрудником армейской газеты прошла боевой путь от Москвы до Эльбы.*

Вариант № XXX

Родная природа

Бушуют ли зимние свирепые вьюги, гремят ли молодые весенние грозы, зноим ли пышет летнее солнце, — люблю я тебя, родная природа...

Люблю необозримую степную гладь, занесённую сугробами, мутное, низкое небо и тоскливое завывание метели, когда она буйно мечется и плещет холодными волнами в плотные стенки кибитки... Жалобно и прерывисто звенит колокольчик, пристяжные тревожно всхрапывают и жмутся к оглоблям, а ямщик лениво помахивает кнутом и чуть слышно мурлычет: «Не белы-то снежки во поле забелелися...» А вьюга гудит и гудит.

Люблю весенний лепет тенистой рощи, заботливый гам грачей, мечтательные переливы иволги и серебристые трели соловья, поля и степи, одетые цветами, крик коростеля в лугах и звонкую песню жаворонка в высоком, синем небе... Люблю тёплые, длинные зори, кротко и тихо мерцающие в ночном небе, громкие песни, стоном стоящие над ближним селом и заунывным отзвуком замирающие вдали... И мечты, и грёзы...

И жаркое лето люблю я. Люблю, когда под знойным июльским ветерком сонливо шевелится и лепечет ржаное поле, сладострастно млеющее в раскалённом воздухе, а золотистые волны бегут и струятся по нему горячими бликами... Когда назойливо стрекочут кузнечики, редко и лениво перекликаются перепела, в туманной дали дрожит марево...

(182 слова)

(По А. Эртелю)*

**Александр Иванович Эртель (1855–1908) — русский писатель-демократ, просветитель, оригинальный мыслитель, талантливый прозаик. В его лучшем романе "Гарденины" дана широкая картина жизни России восьмидесятых годов XIX века.*

Вариант № XXX

Родной край

Последний день июня; на тысячу вёрст кругом Россия — родной край.

Ровной синевой залито всё небо; одно лишь облачко на нём — не то плывёт, не то тает. Безветрие, теплынь... воздух — молоко парное! Жаворонки звенят; воркуют зобастые голуби; молча реют ласточки; лошади фыркают и жуют; собаки не лают и стоят, смиренно повиливая хвостами.

И дымком-то пахнет, и травой, и дёгтем, и маленько кожей. Конопляники уже вошли в силу и пускают свой тяжёлый, но приятный дух.

Глубокий, но пологий овраг. По бокам в несколько рядов головастые, книзу исщеплённые ракиты. По оврагу бежит ручей; на дне его мелкие камешки словно дрожат сквозь светлую рябь. Вдали, на конце-крае земли и неба, — синеватая черта большой реки.

Вдоль оврага — по одной стороне опрятные амбарчики, клетушки с плотно закрытыми дверями; по другой стороне — пять-шесть сосновых изб с тесовыми крышами. Над каждой крышей высокий шест скворечницы; над каждым крылечком вырезной железный крутогривый конёк. Неровные стёкла окон отливают цветами радуги. Кувшины с букетами нарисованы на ставнях. Перед каждой избой чинно стоит исправная лавочка; на завалинках кошки свернулись клубочком, насторожив прозрачные ушки; за высокими порогами прохладно темнеют сени.

(177 слов)

(По И. Тургеневу)*

**Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – русский писатель, мастер языка и психологического анализа, автор романов, повестей, стихотворений в прозе.*

Вариант № XXX

Грибы – дары леса

Осени без грибов не бывает. В лесах, на лугах, в огородах – везде осенью набирается не менее двадцати видов только съедобных грибов. Самый многочисленный гриб –

настоящий осенний опёнок. Во множестве эти грибки повсюду: лепятся по дубовым, ольховым, осиновым, берёзовым пням, по сухим стволам забираются выше нашего роста, прячутся под полегшей, перепутанной травой, под опавшими листьями. Увидел семейство опят – ищи рядом другие. Собирая опёнки, не надо ни помнить, ни соблюдать никаких правил грибной охоты – можно только шляпки резать, можно и с куском пня оторвать всю семью. От этого опёнка в лесу не убудет.

Чуть приподняв над собой бугорок, как в уютном моховом гнезде, прячется молоденький рыжичек. Весь в росных каплях, твёрдый, скользкий. Его, как живого лягушонка, не удержишь в пальцах. Наберется сил, выпрямится, разрывая перепутанную траву. Порвать не удастся – сам себе обломит половинку шляпки и такой ценой освободится.

Из густого зелёного мха торчат разноцветные сыроежки: одни тёмно-красные, другие телесного цвета. Это не летние недотроги-сыроежки, это упругие, крепкие грибки. У них хватает силёнки, чтобы разорвать плотную моховую подушку и вызывающе развернуть яркую шляпку.

Осенние грибы – последний и самый щедрый дар наших лесов.

(179 слов)

По Л. Семаго*

**Леонид Леонидович Семаго – писатель-натуралист, педагог. Известен как прозаик, эссеист и телеведущий. Всю жизнь вёл дневники наблюдений, после его смерти их осталось 284. Автор около 150 научных работ.*

Вариант № XXX

Русское богатство

Зимой одна тысяча восемьсот девяносто восьмого года Шишкин оканчивает последнюю свою картину — «Корабельная роща» — одно из самых больших по размеру, самых величественных по замыслу, самых сильных чувством и самых совершенных своих творений.

...Кажется, до самого неба поднимаются могучие сосны. Не охватишь взглядом! Недаром Шишкин так их написал, чтобы вершины деревьев — тех, что впереди, — не уместились на холсте. Такие отборные, стройные сосны шли на строительство кораблей. Оттого и роща — корабельная. А рядом с могучими великанами тянутся кверху тонкие, молодые сосенки — зелёная семья...

Деревья ярко освещены солнцем. Солнечный свет словно оmyвает, оглаживает прямые, крепкие золотистые стволы. А справа деревья теснятся, набегают одно на другое, сливаются в густую зелёную чащобу...

Из глубины рощи течёт нам навстречу мелкий ручей. Сквозь прозрачную воду желтеет песчаное дно.

Разлапистые ветви, хвоя, яркая и тёплая на свету и мрачная в тени, прозрачная вода, серый камень, зелёная трава, серо-зелёный мох, подмытый потоком берег, выбравшиеся из-под земли наружу кривые корни — всё замечает взгляд живописца. Но при этом художник помнит о главном, ради которого задумал и писал картину.

А главное на картине — русский лес. Стройные, сильные стволы, чуть ли не до самого неба.

(182 слова)

(По Ю. Дмитриеву)*

**Юрий Дмитриевич Дмитриев (настоящая фамилия Эдельман) — известный советский писатель-натуралист. Книга Ю. Дмитриева «Тринадцать чёрных кошек» в 1989 году получила Почётный диплом имени Г.Х. Андерсена.*

Вариант № XXX

Маэстро

Так называют замечательного певца — соловья. Действительно, песню его нельзя спутать ни с какой. Раз услышав, её уже нельзя забыть. И естественно, людям кажется, что такой голос должен быть у необыкновенной птицы. Многие представляют себе соловья в виде какой-то сказочной жар-птицы. И очень удивляются, когда видят перед собой небольшую птичку с тёмными глазками и довольно длинными, стройными ножками. Окрашена птичка скромно, и трудно предположить, что это её голос заставляет учащённо биться сердца даже у равнодушных к природе людей. Что же говорить о любителях природы, о художниках, музыкантах, певцах? Эта скромная птичка вдохновляла композиторов и поэтов всех времён и народов.

А любители соловьиного пения (их было всегда много на Руси) с нетерпением ждали времени, когда у берёзы «развернётся лист». Уже давно распевают жаворонки над полями, уже звенит лес от песен зябликов. Но вот настало время, когда соловей «сможет напиться воды с берёзового листка», как говорили в народе.

Поёт соловей долго, ночи напролёт... Есть и настоящие «великие маэстро»: у них в песне до сорока коленцев (обычно же десять-пятнадцать). И если в каком-нибудь лесу появляется такой мастер, другие, быстро усваивая его умение, тоже становятся мастерами. (181 слово) (По Ю. Дмитриеву)*

**Юрий Дмитриевич Дмитриев (настоящая фамилия Эдельман) – известный писатель-натуралист. Его первая книга «Зеленый патруль» посвящена теме защите природы. Многотомной энциклопедии Ю. Дмитриева «Соседи по планете» в 1982 году была присуждена Международная Европейская премия.*

Вариант № XXX

Русский лубок

Не менее трёхсот лет известны в народе лубочные картины. Может быть, за эти три века картина дала русскому деревенскому человеку гораздо больше, чем книга. Чтобы прочитать книгу, надо было знать грамоту, чтобы видеть картину, надо было иметь только глаза.

Лубочная картина на Руси своими корнями уходит в далёкое прошлое. Первоначально лубок служил лишь для украшения царских палат и боярских хором.

Как печатался в старину лубочный товар? Всегда в одну краску (чёрную) и всегда на очень плохой серой бумаге. В таком виде картины поступали в раскраску от руки, чем в зимнее время занимались деревенские жители. Конечно, эта раскраска производилась до невероятности грубо. Красили заячьей лапкой «по ногам и по носам». По своему качеству это походило на обыкновенное детское раскрашивание картинок, когда нос у солдата мог быть голубой, а сапоги — красные.

Русская лубочная картина немало послужила и отечественной истории. О событиях государственной важности (войны, перемена государей, присоединение новых областей) русская деревня узнавала не только из «высочайших манифестов». Безграмотный крестьянин, затерянный в дебрях сибирской тайги или муромских лесов, узнавал о многих событиях только тогда, когда ему говорила об этом картина.

(177 слов)

(По И. Сытину)*

**Иван Дмитриевич Сытин – крупнейший книгоиздатель России, выпускал массовыми тиражами дешёвые издания русских и зарубежных литературных классиков,*

многочисленные наглядные пособия, учебную литературу для учебных заведений и внеклассного чтения, научно-популярные серии, рассчитанные на разнообразные вкусы и интересы, красочные книжки и сказки для детей, детские журналы, а также журнал "Вокруг света".

Вариант № XXX

О языке и не только

Говорят, наши пороки – продолжение наших добродетелей. В этом случае такая добродетель, как язык, имеет весьма пышное продолжение. По крайней мере, больше усилий тратится, чтобы заставить его замолчать, нежели на то, чтобы поощрить его к разговору. Допустим, кого-то тянут за язык, с кем-то находят общий язык... А все остальное – призыв к молчанию. Тут надо и прикусить язык, и придержать язык, и проглотить язык – в особо опасных случаях. Рекомендуется держать язык на привязи, а проще говоря – за зубами. В противном случае – тут тебе и пожелание типуна на язык, и совет языку отсохнуть, и сожаление, что язык без костей. Дело, впрочем, не ограничивается одними пожеланиями. Совершается немало решительных действий, чтобы не дать языку заговорить: и наступают на язык, и укорачивают язык, и стараются не дать языку воли. Потому что считается, что язык наш – враг наш, что он страшнее пистолета, что он длинный, что он злой и вообще плохо подвешен.

О добрых языках почему-то в народе умалчивают. Говорят только о злых языках. И даже Слово, великое, всемогущее Слово считают всего лишь серебром, в то время как Молчание считают Золотом.

(175 слов)

(По Ф. Кривину)*

**Феликс Давидович Кривин (1928-2016) — русский писатель, поэт, прозаик, автор интеллектуальных юмористических произведений, несколько сборников миниатюр и притч, сценарист.*

Вариант № XXX

Поэзия слова

Я уверен, что для полного овладения русским языком, для того чтобы не потерять чувство этого языка, нужно не только постоянное общение с простыми русскими людьми, но общение с лесами, водами, старыми ивами, с пересвистом птиц и с каждым цветком, что кивает головой из-под куста лещины.

Должно быть, у каждого человека случается свое счастливое время открытий. Случилось и у меня одно такое лето открытий – лето, обильное грозами и радугами.

Прошло это лето в гуле сосновых лесов, журавлиных криках, в белых громадах кучевых облаков, игре ночного неба. В воинственных петушиных воплях и песнях девушек среди вечеряющих лугов, когда закат золотит девичьи глаза и первый туман осторожно курится над омутами.

В это лето я узнал заново – на ощупь, на вкус, на запах – много слов. Бывших до той поры хотя и известными мне, но далекими и непережитыми.

Я, конечно, знал, что есть дожди морозящие, слепые, обложные, грибные, спорые дожди, идущие полосами – полосовые, косые, окатные дожди и, наконец, ливни. Но только тогда все эти слова, определяющие дожди, оживают, крепнут, наполняются выразительной силой, когда эти дожди испытаешь на себе и поймешь, что в каждом из них заключена своя поэзия.

(184 слова)

(По К. Паустовскому)*

** Паустовский Константин Георгиевич (1892—1968) — русский писатель и публицист, мастер лирико-романтической прозы, автор произведений о природе, исторических повестей, художественных мемуаров.*

Вариант № XXX

Лучшее в человеке

Читатель, друг! Ты подумай: если писать только о доброте, то это для зла – находка, блеск. Если писать только о счастье, то люди перестанут видеть несчастных и в конце концов не будут их замечать. Если писать только о серьезно-печальном, то люди перестанут смеяться над безобразным. И в тишине уходящей осени, овеянный ее нежной дремотой, ты начинаешь понимать: только правда, только честь, только чистая совесть, и обо всем этом – слово. Слово к маленьким людям, которые будут потом взрослыми, слово к взрослым, которые не забыли, что были когда-то детьми.

Может быть, поэтому я пишу о судьбе собаки, о ее верности, чести и преданности. Ни одна собака в мире не считает обыкновенную преданность чем-то необычным. Но люди придумали превозносить это чувство собаки как подвиг только потому, что не все они обладают преданностью другу и верностью долгу настолько, чтобы это было корнем жизни, естественной основой самого существа, когда благородство души – само собой разумеющееся состояние.

...Вот так и среди нас, людей: есть скромные люди с чистым сердцем, «незаметные» и «маленькие», но с огромной душой. Они-то и украшают жизнь, вмещая в себя все лучшее, что есть в человечестве, – доброту, простоту, доверие.

(183 слова)

(По Г. Троепольскому)*

**Гавриил Николаевич Троепольский (1905—1995) — русский советский писатель, драматург и сценарист, лауреат Государственной премии за повесть «Белый Бим чёрное ухо» (1971). Во второй половине 50-х гг. получил признание как один из лучших представителей очерково-публицистической прозы на сельскохозяйственные темы.*

Вариант № XXX

Мир детства

Мир детства расширяется стремительно и ежедневно. И злое, и доброе детская душа впитывает одинаково жадно, дурные и хорошие впечатления запоминаются одинаково ярко на всю жизнь. А.С. Пушкин писал: «Говорят, что несчастье – хорошая школа, может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному...». Ровное, доброе отношение взрослого к ребенку не противоречит требовательности и строгости.

Детские воспоминания всегда определены и образны, но каждому из людей запоминается что-то больше, что-то меньше. Если взять весну, то, наверно, почти всем запомнились ощущения, связанные с такими занятиями, как установка скворечни с отцом, дедом или старшим братом, устройство запруды, канавы, игрушечной мельницы, первое ужение рыбы и многое другое.

Некая неуловимая грань при переходе одного состояния в иное, порой противоположное, больше всего волнует в детстве. Дети – самые тонкие ценители таких неуловимо-реальных состояний. Но и взрослым известно, что самая вкусная картошка чуть-чуть похрустывающая, на грани сырого и испеченного. Доли секунды перед прыжком через препятствие, момент, когда качели еще двигаются вверх, но вот-вот начнется обратное

движение, миг перед падением в воду или в солому – все это рождает непонятный восторг счастья и жизненной полноты.

(184 слова)

(По В.И. Белову)*

**Белов Василий Иванович — российский писатель и публицист, общественный деятель, лауреат Государственной премии, Литературной премии им. Л. Толстого; основная тема для его произведений – жизнь российской деревни.*

Вариант № XXX

Память истории

Память – наша история. Каким будет взгляд на нее ребенка, таким будет наш завтрашний день. Стерев прошлое, мы стираем будущее. Конечно, история войны писалась кровью, и чем дальше уходит время, тем спокойнее будут воспринимать люди, в том числе дети, жесточайшие ее факты. Но никогда не должны они перестать волноваться, узнавая о них.

Каждый человек хранит в памяти какой-то момент своей жизни, который кажется ему вторым рождением, переломом во всей дальнейшей судьбе. С этими воспоминаниями всегда связаны открытия в самом себе и в других людях. Война живет в душе переживших ее такими воспоминаниями, и они никогда не смогут забыть, что родились когда-то.

По-моему, помнить историю своего народа нужно не только потому, что память сохраняет человеческое достоинство, но и чтобы видеть смысл своей жизни, чтобы не быть одиноким и беспомощным. Поэтому войну будут помнить, писать о ней, как стремились сохранить в летописях наши предки все детали древней истории, – это необходимо человеку, чтобы оправдать свое существование на земле. Память истории – это самоутверждение человека, поэтому и через сто лет школьники с гордостью и волнением будут писать о своем прадеде, который был фронтовиком.

(182 слова)

(По Е. Линду)*

**Евгений Алексеевич Линд – педагог, основатель музея «А музы не молчали», автор книги «Седьмая» (о Седьмой симфонии Д. Шостаковича).*